

Суд постановил: объявить врагом революции

Жители уездного города Берёзова желали порядка и стабильности, но попали в водоворот драматических событий истории

Валентина ПАТРАНОВА

В предыдущих публикациях, посвященных 420-летию Березова (2 мая, 11 июля 2013 года), рассказывалось о непростых годах послереволюционного устройства жизни в уездном городе. Царский режим на короткое время сменила советская власть, потом пришли белые, после них снова красные. И представители каждой выпускали в свет приказы, инструкции, циркуляры, часть которых сегодня хранится в Государственном архиве Югры.

ВПЛОТЬ ДО ПОВСЕМИСТНОГО УНИЧТОЖЕНИЯ БОЛЬШЕВИЗМА

Что могли испытывать простые жители уезда, далекие от политики, волею обстоятельств вынужденные вчитываться в строчки приказов, не будучи уверенными, что эта власть долго продержится? Ответ может быть один: страх и растерянность перед грядущими переменами, а в душе желали стабильности и порядка. Сама же власть была уверена, что она надолго, если не навсегда.

Вот, к примеру, как об этом пишет 25 февраля 1919 года начальник Северного отряда особого назначения начальнику Березовской уездной милиции: «Приказываю содержащегося в катажных камерах гражданина г. Березова Едренкина выслать административным порядком в г. Сургут под гласный надзор, вплоть до повсеместного уничтожения большевизма».

Арестованного Едренкина, «рост 2 аршина, 5 вершков, особых примет нет, имеет жену, мать, двоих воспитанников», до села Самарово (ныне Ханты-Мансийск) сопровождали березовские милиционеры, а далее – представители Тобольской уездной милиции. В записке, адресованной коллеге из Сургутской милиции, березовский начальник подчеркивает, что Едренкин должен находиться под гласным надзором «до повсеместного уничтожения большевизма».

КОЛЧАК БОРОЛСЯ ПРОТИВ ПЬЯНСТВА

Новая власть боролась не только с большевиками, но и наводила «железную руку» порядок на вверенной территории. Напомним, в то время Березовский, Сургутский, Тобольский уезды подчинились Временному Сибирскому правительству во главе с адмиралом Колчаком.

Из приказа начальника Березовского гарнизона подпоручика Муромцева. 10 марта 1919 года.

На основании постановления Временного Сибирского правительства объявляю: заукрывательство лиц, принадлежащих к Красной армии, или деятелей большевизма, не зарегистрированных органами власти, виновные подвергаются аресту на три месяца. За появление на улицах города или в общественных местах в нетрезвом виде, а равно за буйство, драку, нарушение общественной тишины и порядка виновные подвергаются аресту до трех месяцев. За незаконную продажу водки, вина, спирта, или их суррогатов, виновные подвергаются штрафу до 3 000 рублей или аресту до трех месяцев. Все штрафы, аресты накладываются мною, приводятся в исполнение немедленно и не приостанавливаются в случае принесения жалоб.

ТАК БЫЛА БАНДА ИЛИ НЕТ?

Новая власть пребывала в убеждении, что со всех сторон ее окружают враги. Вот какое

экстренное сообщение поступило 23 ноября 1919 года «господину начальнику Березовской уездной милиции».

РАПОРТ начальника милиции третьего участка Березовского уезда

«При объезде вверенного мне участка в селе Няксимволь и других юртах (авт. – неразборчиво) остяки заявляют, что в вершинных юртах на р. Тапсуй, а также Тимка-Пауль на расстоянии 40 верст была замечена вооруженная бомбами, гранатами и винтовками банда грабителей-большевиков. По одной версии – 28 человек, по другой – 18, с ними остяков 3 человека, с которыми запрещено разговаривать местным жителям. Было предписано остяку Николаю Пеликову расчистить дорогу на Пельмы, предписание с двумя печатями. В случае неповиновения угрожали его расстрелять или закопать в землю живым. Дорогу расчистили по Тапсую. Направилась эта банда в Конду для установления своей власти еще до заморозков реки. В Пельме отобрали подписи у жителей о подчинении им, был поставлен председатель совета вопреки желанию местных остяков. По возвращению из Конды банда предполагает на лошадях проехать до Тапсуя, на население уверено, что это невозможно. У пельмских остяков отобрали коров, сколько-то уплатили. Поступило сообщение, что банда находится в четырех верстах от Тимки-Пауля и якобы набирает лошадей для выдвигения по Тапсую, численность 58 человек. Жители Няксимволя ходатайствуют о присылке воинского отряда к ним».

15 декабря 1919 года в уездную милицию поступил новый рапорт о том, что «местные остяки юрт Няксимвольских предполагают даже выслать навстречу отряду делегатов и вообще склоняются перейти к большевикам», а этого новая власть допустить не могла. Через два дня «господин начальник уездной милиции» получил новое донесение, что «никаких большевистских банд нет. Действительно, к Илье Монину в юрты из Никито-Ивделя приезжали представители для переговоров о продаже одежды и прочего». Все оказалось просто: слухи – и ничего более.

СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ И ЕЁ ДЕЛА

Врагов вокруг себя искали не только колчаковцы, но и представители советской власти, которая вскоре установилась в Березовском уезде. И каждая такая «смена эпох» сопровождалась арестами среди мирного населения. Достаточно было пустить слух, чтобы лишить человека свободы. Простым обывателям надо было приспособиться к быстрым переменам, иначе можно было попасть в такой переплет, что дореволюционная жизнь со всеми ее экономическими трудностями могла показаться раем на земле.

После того как в уезде установилась советская власть, в Березове стала работать следственная комиссия, нагнавшая много страха на местных жителей. 8 июня 1921 года было заведено дело на Алексея Петровича Анисимова, который обвинялся в расхищении чужого имущества. Вот какое заявление поступило в следственную комиссию от жителей юрты Березова П.

ЗАЯВЛЕНИЕ

«Алексей Анисимов был у бандитов сыщиком, который указывал, где находятся оставленные для сохранения вещи эвакуированных. По его указанию все вещи были взяты бандитами, и по его же указанию мы были арестованы. Он выступал на собраниях и доказывал, что не нужно коммунистов, и никто против не мог сказать, потому что боялись. Мне сказали, что он меня выдал, будто бы я была сочувствующей большевистской ячейке».

В заведенное следственной комиссией дело легло еще одно заявление от жительницы Тобольска, временно проживавшей в Березове. Она написала о том, чтобы 23 апреля 1921 года арестовали некоего Оводова. Она пошла узнать, где находится арестованный, и на встречу ей попался Анисимов. Женщина поинтересовалась: действительно ли он служит в следственной комиссии? Анисимов ответил, что как раз сейчас идет на ее заседание и не знает, за что арестован Оводов. Будто бы он тогда сказал: «Как они это делают, что я ничего не знаю? Они, пожалуй, полгорода арестуют, а я ничего не буду знать. Я велю его освободить».

НЕ НАШЛИ НИ ВЕЩЕЙ, НИ ДЕНЕГ

Гражданка Б. сообщила, что она слышала, будто бы Анисимов продавал вещи «эвакуированного Иващенко – сети, лодку, провязы. А также забрал самовар у другого эвакуированного». О каких «эвакуированных» идет речь? Так называли коммунистов и сочувствующих им, которые перед приходом в Березово колчаковцев спешно покинули город. Вещи, скот они передали знакомым и родственникам в надежде, что белые долго не продержатся у власти. Так и случилось. Арестованному Анисимову вещи на сохранение оставил большевик Иващенко, а теперь в хитросплетениях этого дела разбиралось следствие, которое проводила только что установившаяся весной 1921 года советская власть.

В доме у Анисимова произвели обыск «на предмет обнаружения расхищенного имущества эвакуированных коммунистов и их семейств». Как написано в рапорте, в ходе обыска ничего не удалось найти: ни вещей, ни денег. Вот как было описано имущество Анисимова: дом старый, собранный из старого леса, один стол, четыре стула, кровать детская деревянная, самовар медный, три чайные чашки, четыре деревянные ложки, одна сковорода, пара ведер, две подушки, шесть кур, одна нетель. Вот и все богатство...

Из объяснительной Алексея Анисимова

«Я, рядовой Сибирского гренадерского полка, родился в Рязанской губернии, 56 лет, имею приемную дочь, 9 лет. Был поднадзорным полиции, в 1904 году сослан в Тобольскую губернию, в город Березов. Сослан за бунт среди солдат полка. Служил в Березове маслодельным мастером. При Колчаке был чернорабочим. При отступлении коммунист товарищ Иващенко передал мне корову с теленком, швейную машинку, две подушки, сундук и домашнюю утварь. Пришли бандиты и потребовали корову коммуниста Иващенко на убой. А мы с ним составили фиктивную расписку, что я, дескать, купил у него вещи за 35 тысяч рублей. Мне сказали: расписка фальшивая, ты все скрываешь. Доносов на коммунистов я не делал. Меня привлекали как понятого присутствовать при обысках».

ПРОЛЕТАРСКАЯ КРОВЬ БУДОРАЖИЛА МОЗГ КОНТРЕВОЛЮЦИОНЕРА

56-летний Алексей Анисимов был большим человеком, и тюремный режим не подходил ему, поэтому 15 июня 1921 года он написал заявление в уездную следственную комиссию, что болен цингой и ревматизмом, для лечения необходимо ежедневно делать соленые ванны, а в тюрьме нет такой возможности. Он просил разрешить перевести его для лечения в местную больницу и получил его. Вернувшийся из эвакуации Иващенко сообщил следственной комиссии, что оставил Анисимову 2 клубка мережи по 50 сажень каждая, а тот пояснил, что передал мережу на хранение Чичеву, который продал половину жителю юрт Ванзеватских, а половину мережи употребил на собственные нужды – ловил рыбу на перевес.

Тем не менее суд обвинил Анисимова в хищении имущества, оставленного коммунистами, и в том, что он служил в следственной комиссии белых, хотя тот утверждал, что был мобилизован и всего лишь присутствовал как понятой при обысках. В приговоре советского суда сказано, что Анисимов «хотел положить свою силу в пользу контрреволюции» и что «пролитая пролетарская кровь будет будоражить мозг каждого пособника контрреволюции». Его осудили на четыре года лишения свободы. Но, как сказано в приговоре, «принимая во внимание преклонные лета и пролетарское происхождение, безграмотность, суд нашел возможным изменить меру наказания».

Снизил срок? Отменили приговор? Суд постановил: «Объявить Анисимова Алексея врагом революции и трудящегося народа. Решение окончательное и обжалованию не подлежит». И хотя Анисимов остался на свободе, но с таким клеймом жизнь при советской власти могла стать невыносимой.

Такие дела в Березовском уезде вершились на сломе эпох.

Продолжение следует...

Подготовила Тамара КОЗЛОВА, Нижневартовск

К 60-летию открытия первого в Западной Сибири Березовского месторождения газа в сентябре 1953 года мы публикуем отрывки из книги Елены Шмелевой (Грошевой) «Преждевременная экспедиция», посвященной геофизикам-первооткрывателям нефти и газа на югорской земле.

СКОМПРОМЕТИРОВАННАЯ СКВАЖИНА

Осенью 1951 года в старое сибирское село Березово (широко известное в России по картине Сурикова «Меньшиков в Березове») пришли люди, назвавшие себя геофизиками и отрядом электроразведки. Вид новоявленные геофизики имели потрепанный, бродяжий, имущество незавидное: в основном провода да железяки. Оказались ребята простые, местные, из-под Тюмени да Ханты-Мансийска. Объяснили, что ищут нефть и газ, и если найдут месторождение, будет тут промысел, и жизнь совершенно переменится. Березовцы слушали не без удовольствия, вспоминали сказки про заповедные места среди болот, где газ прямо из-под кочек пузырями идет, а вода радужной пленкой затянута. Но всерьез в добрые перемены мало кто верил. Село Березово (да и весь Ханты-Мансийский округ в те не столь отдаленные времена) сохраняло репутацию мест ссылки, население которых как при царе, так и при советской власти пополнялось спецпереселенцами. Разные это были люди, но здесь всем приходилось жить по старинке, больше натуральным хозяйством, рыбной ловлей и охотой – благо, рыбы и дичи хватало и коренным жителям, и пришлым. Геофизики, однако, хозяйством и местными промыслами не интересовались, все возились со своими проводами. Была у них при себе рация, по которой ежедневно получали указания и отчитывались, что сделали, что дальше делать будут и чего для дела не хватает. Вот эти переговоры да еще энергия, с которой не сильно разговорчивый командир разведчиков взялся готовить отряд к зимнему походу, подтверждали: народ этот серьезный, не сам по себе, а по важному государственному делу.

Рассказывает Анатолий БИСЕРОВ, начальник электроразведочного отряда, выполнившего первые ВЭЗ (вертикальные электроразведки) под Березовскую опорную скважину:

– Я уже третий год с геофизиками работал: сначала в магнитке, потом в электроразведку перешел. Интересно было! В Ханты-Мансийск весной 1951-го приехал, наш отряд еще относился к Тюменской геофизической экспедиции. Лето работали внизу по Оби, кое-чему научились. На зимовку вернулись в Полноват, отсюда в Березово. Нас к тому времени уже в Ханты-Мансийск передали, зимний маршрут определили: Березово – Саранпауль. С осени стали к зиме готовиться: заказали в совхозе тоборы и гуси (одежда и обувь из меха, надеваются в поездку на нартах поверх обычного зимнего снаряжения), насушили сухарей. Березовский совхоз дал оленей – сорок три головы, трех погонщиков и двенадцать нарт. Пошли мы хорошо. Размотку делать приходилось не больше, чем по пять километров, да не по тайге, места все открытые. Электроды в полтора метра доставали талые породы, значит, и с заземлением все в порядке. Жили мы (человек двенадцать) в утепленной палатке, а каюры в чуме, иной раз и вовсе на нартах ночевать оставались: «В палатке потеть будем!»

Оленей через день меняли, чтобы ездовые отдохнули, покормились. Через месяц всех оленей за-

21 сентября управляющий трестом «Тюменьнефтегеология» А.К. Шилленко получил телеграмму из Березово: «Срочно. Выброс при подъеме инструмента. Давление на устье 75 атмосфер. Срочно ждем самолет. Сурков.» Это означало: открыто газовое месторождение

Берёзово – пуп Земли!

менили: быстро они устают. К Уралу фундамент поднимается, двести метров до него остается, наблюдения все проще. С Северной Сосьвы перешли на речку Ляпин, по ней поднялись до Ломбовожа, Саранпауля...

Возвращаясь, повторяли те точки, где сомневались в полученном материале. Первое солнце весны, уже у Сарыньи встретили. А то все в потемках работали, наблюдения при большом костре делали, да у прибора подсветочка. Вот только олени на обратном пути и во все выдохлись. Уже не мы на них, а они на нас едут, на нартах лежат. А груза – несколько тонн. До Березово не довели, у Игрима бригадир наших каюров говорит: «Оставьте, теперь сами дойдут». И верно, дошли. В Березово мы еще до распутицы вернулись. А летние работы снова по рекам...

На следующую зиму в Березово явились буровики со всем своим сложным хозяйством – эти все рывы и надолго. И отношения к себе потребовали серьезного: не в поход снаряжать, а у себя устроить. Почему не помочь хорошим людям? При исполкоме райсовета создали специальную комиссию, пригласили представителей лесхоза, землеустроителей и совместно с начальником буровой партии Александром Быстрицким рассудили, что на Казымской культбазе, где «Тюменьнефтегеология» была намечена точка для буровой Р-1, организовать бурение не удастся, не дойдет туда техника. Березовцы предложили свой вариант: на окраине поселка, между стеклозаводом и больницей. Место как нарочно придуманное, другого такого не найти: и пристань рядом, и дорога есть, и вода, и стройматериалы, и не заливает по весне... Сам Быстрицкий посчитал, что для решения геологической задачи, возлагаемой на опорную скважину, такой перенос значения не имеет. Работа пошла

успешно. Тем не менее весной 1953 года тюменское руководство за самовольный перенос скважины сослало начальника партии на юг, в Покровку. Для тех времен такое наказание за самоуправство – редкое везение! Свиристый генсек только что скончался, но в стране еще держался введенный им «порядок», при котором приравнивались либо к победе, либо к вредительству «шаг влево, шаг вправо». А тут целая буровая аж на два километра в сторону ушла! На всякий случай, следовало заранее определить виновных и принять меры. Геофизики еще раньше вошли в черный список: бурящаяся скважина не встретила фундамент на предсказанной ими глубине.

Рассказывает Александр ШМЕЛЁВ, главный инженер Ханты-Мансийской геофизической экспедиции:

– В феврале в Ханты-Мансийск приехал начальник геологического отдела управления Сибирского гортехнадзора со специальным вопро-

сом ко мне: какова глубина до кристаллического фундамента в Березово? Я взял обработанное березовское ВЭЗ – порядка 800 м. Оказывается, березовская скважина уже достигла глубины 1 200 м, а фундамента все нет. Призложении скважины единственные данные о глубине фундамента взяты по нашей ВЭЗ. Планировалось предварительно произвести сейсморазведочные работы, но не было выделено ни средств, ни техники на это (хотя сейсморазведка обходится на порядок дешевле бурения вслепую). Теперь опорная скважина может не достигнуть фундамента – это загубленные государственные средства, и кто-то должен отвечать. Скорее всего, я (к тому времени на меня уже было собрано серьезное досье). Мы попытались интерпретировать эту кривую ВЭЗ с различными допустимыми параметрами, но глубины до фундамента во всех случаях более 1 000 м получить не могли. Через несколько недель с облегчением узнали, что Березовская опорная скважина встре-

тила фундамент на глубине 1 324 м. Только через год мы установили, что по зимним ВЭЗ систематически получаем меньшие глубины до фундамента, так как не учитываем и не можем учитывать возрастающее на морозе внутреннее сопротивление электрических батарей.

Потом случилось несчастье: при сейсмокаротаже из-за несоблюдения правил техники безопасности погиб один из взрывников геофизической партии москвич Борис Самсонов. Тут уже и до суда дошло. Двое прямых виновников получили по два года тюрьмы, бывшие за начальника Виктор Гершаник и Семен Лев – по году исправительно-трудовых работ на рабочем месте без права выезда и с отчислениями до двадцати процентов заработка.

Со всех сторон скомпрометированная скважина заранее была признана не только случайной, но и абсолютно бесперспективной в плане нефтегазоносности. Электрокаротаж оптимизма не добавил. Испытания, положенные опорной скважине, все-таки были произведены, но в упрощенном варианте: открытым забоем опробовали малоомощный прифундаментный пласт. Не был установлен превентор. На завершающем этапе при подъеме труб скважину заливали не тяжелым глинистым раствором, а водой, да и за ее уровнем не следили. Если бы не это разгильдяйство, скважину бы благополучно задавили, зацементировали и не узнали, что там газ. Но коварный «джин», притаившийся и усыпивший бдительность буровиков, успел воспользоваться своим счастливым случаем: когда давление упало, вырвался, взревел, выплывал все трубы и стал аварийным фонтаном ростом за 50 м.

Ничего похожего на таинственные пузыри из-под болотных кочек – огромная неуправляемая сила. Говорят, за 30 км слышно было. Будто и впрямь будил и звал. Это было потрясение не только для местных буровиков, геологов, геофизиков, но и окрестных жителей. Березовский фонтан, хоть и получивший необходимые геологические материалистические объяснения, все равно выглядел чудом, явленным для людей самой природой. И действительно, начал творить чудеса в умонастроениях, отменял решения, строить новые планы, поворачивать вспять хоть не реки, но направления работ в государственном масштабе. В неслыханно краткие для Советского государства сроки появился приказ, отменяющий начатую три месяца назад ликвидацию геологоразведочных работ в удаленных и труднодоступных районах севера Тюменской области. К тому времени Ханты-Мансийская геофизическая экспедиция уже была ликвидирована и как раз пыла на двух караванах барж на юг – в Новосибирск и Тюмень. Тут же было принято решение караваны вернуть и продолжить разведку, но уже не от Ханты-Мансийска, а от Березово. В Тюменской геофизической экспедиции поднялся ажиотаж: хантымансийцы, не догуляв положенных отпусков, явились к началу, требуя немедленно отправить их на рабочее место! Еще до рекостава в аварийном порядке с помощью обкома партии в Березово из Тюмени было доставлено недостающее оборудование, и в зиму 1953–1954 годов в Березово начала работы комплексная геофизическая партия, в которую входили отряды гравиметрии, электроразведки и сейсморазведки.

Продолжение следует...

Валентина ПАТРАНОВА

В нынешнем году исполняется 420 лет Березово, 90 лет Березовскому району и 60 лет открытию Березовского газового месторождения, а по сути – Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции.

Сегодня Березово – скромное поселение, а когда-то это был уездный город, сам уезд занимал площадь в сотни квадратных километров. В истории Березово немало страниц, которые и сегодня «читаются» с огромным интересом. Мы решили воскресить некоторые из них, обратившись к архивным материалам. Особенно заинтересовал период на сломе эпох, когда царская власть менялась на советскую.

В ПОИСКАХ ВРАГОВ

Документы этого периода долгое время хранились в засекреченном фонде Тобольского архива, что вполне объяснимо: в прошлом Березовский уезд территориально входил в состав Тобольской губернии, и только в начале 90-х годов часть документов была передана в Государственный архив Югры. В ответивших от времени папках собраны бесценные документы дореволюционной эпохи, а также периода правления Колчака. Сюда, в Березов, регулярно под грифом «Совершенно секретно. Срочно!» поступали циркуляры из Омска, где находилась ставка Верховного правителя Сибири. В этот период во главе территории были управляющие губернии и областями, вместо полиции была учреждена милиция.

Эти документы интересны тем, что ярко характеризуют политическую обстановку тех лет, когда шла борьба за власть. У рядовых граждан Березовского уезда еще не выветрилась память о том, как была организована жизнь при «проклятом царизме», и они сравнивали ее с тем, как действовали структуры Верховного правителя Колчака, а потом и советская власть, вносящие в жизнь обывателей существенные коррективы. Притом не только на бумаге, рассылая циркуляры на места, но и действуя весьма решительно в поисках «врагов». Как видно из архивных документов, ни Колчак, ни советы не уступали друг другу в стремлении закрепить свою власть.

НЕ ШПИОНЫ!

Но прежде следует рассказать о таком малоизвестном эпизоде, как ссылка в Тобольскую губернию подданных Германии и Австро-Венгрии в разгар Первой мировой войны. В город Березов «на основании правил военного положения по подозрению в военном шпионстве» были высланы Гельмут Штакель, Густав Шмидт, Эрих Пихота, Фердинанд Фишер, Юлиус Циарковский и Карл Брай. Эти фамилии названы в письме, адресованном 3 января 1918 года комиссару Березовского уезда. Сегодня оно хранится в фонде 447 Государственного архива Югры.

Сколько эти люди пробыли в Березове – неизвестно, непонятно также, откуда их выслало царское правительство. Одно очевидно: власть не знала, что делать с гражданами дру-

Срочно! Секретно ДЪЛО

Такие циркуляры поступали в уездный город Берёзов на сломе эпох

го государства, когда в самой России творилось непонятное. Из Тобольска сообщали: из переписки, которую вели высланные в Березовский уезд немцы, не усматривается «никаких указаний на их причастность к изменническим деяниям», и потому, руководствуясь указом Временного правительства об амнистии от 6 марта 1917 года, тобольский губернатор признал возможным «освободить всех вышеупомянутых лиц от высылки и надзора с предоставлением права повсеместного жительства в Российском государстве, за исключением местностей, подчиненных военному начальству, а надзирателя уволить».

В письме содержалась просьба: сообщить в губернское управление, кто из немцев, когда и в какую местность выедет из Березова. Но как выезжать, не имея средств, чтобы оплатить дорогу? Полагая, что раз российская власть отправила их в такую глухомань, подданные Германии и Австро-Венгрии решили: эта же власть должна обеспечить им обратный проезд. Они обратились в губернское земское управление с ходатайством о выдаче им так подаваемых «открытых листов», дающих право «на взимание земских обывательских подвод из города Березова до Тобольска», то есть обеспечить им бесплатный проезд за счет государства.

НЕТ КРЕДИТА ИЗ ПЕТРОГРАДА

Но вместо «открытого листа» подданные иностранных государств получили разъяснение, что им это не положено ввиду отсутствия законных оснований. В письме на имя начальника Березовской уездной милиции из Тобольска сообщалось: «В прежнее время в таких случаях могло быть выдано путевое пособие от казны для проезда по расчету на одну лошадь для каждого. Но ныне за неимением в губернском управлении кредита на этот предмет и невозможности получения такого кредита из Петрограда представляет-

ся единственный выход – отправка до Тобольска на земских подводах без платежа прогонных», то есть за собственный счет иностранных подданных. Письмо подписано 28 февраля 1918 года.

Через месяц в Березов пришло дополнительное разъяснение: как принадлежащие к подданству воюющего с Россией государства немцы не имеют права выехать на родину впредь до указания центральной власти. Не могут они без особого на то разрешения отлучаться за пределы Тобольской губернии. Дело иностранных подданных разрешилось только в июне 1918 года. Шесть дел на бывших поднадзорных отослали из Березова в Тобольское губернское управление, а им самим выдали «проходные свидетельства на проследование в Тобольск».

КАЗНА КОРМИЛА... РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Каких только ссыльных не видела эта земля, даже знаменитый революционер, большевик Лев Троцкий, совершил побег из Березова. В советское время список высланных пополнили объявленные советской властью «кулаки», «враги народа», «контрреволюционеры». С ними не вели переписку, периодически за счет государства их вывозили в Тюмень и там расстреливали. Об одном таком фигуранте политического дела недавно сообщила окружная газета в статье «Ссылная любовь. Продолжение» (7 марта 2013 года).

Кстати, в фонде 447 Государственного архива Югры хранятся документы дореволюционной поры, и они свидетельствуют не столько о свирепости царского режима по отношению к политическим, сколько о... достаточно гуманном к ним отношении. Вот, к примеру, послание тобольского губернатора уездным исправникам, датированное 14 ноября 1909 года: «Из имеющихся у меня сведений усматривается, что начальники полиции выда-

ют казенное пособие на содержание и на одежду всем без исключения поднадзорным, как имеющим средства к жизни или постоянный заработок в месте водворения, так и не имеющим таковых. Освобожденным от надзора полиции в течение месяца выдают пособие за полный месяц и даже больше, а не по числу дней по расчету.

Предписываю начальникам полиции немедленно представить список тех поднадзорных, которые имеют постоянный заработок по своей специальности или место службы с определенным жалованием, и немедленно прекратить таким лицам выдачу казенного пособия на содержание и одежду. Вменяю в обязанность начальника полиции строго следить за тем, чтобы оканчивающим срок надзора полиции пособие на содержание выдавалось не за полный месяц, а по расчету, что и отмечать в законченных делах».

И НАКОРМИТЬ, И ПРИОДЕТЬ

А вот еще один документ той поры, адресованный тобольскому полицмейстеру и уездным исправникам губернии. Получил его и березовский уездный исправник: «Предлагаю начальникам полиции принять необходимые меры к более экономному расходованию кредитов, отпускаемых на содержание поднадзорных, так как пособия отпускаются иногда и на отсутствующих поднадзорных. Предлагаю начальникам полиции ни в коем случае не выдавать пособия по доверенностям поднадзорных другим лицам, а только самому поднадзорному, под его личную подпись».

Людам, обработанным советской пропагандой, трудно поверить в то, что после революции 1905 года царское правительство могло так относиться к политическим: им, оказывается, выдавали из казны «пособие на содержание и одежду». Выходит, царь кормил тех, кто хотел его свержения? Зато советский «царь» Сталин вел себя иначе: арестованным по политической статье вместо денежного пособия зачитывали решение внесудебных «троек» – кому расстрел, кому лагерь. Так и хочется спросить: за что боролись с царским режимом, господа революционеры?

В том же фонде 447 хранится еще один документ – инструкция надзирателям за административно-ссылными, одобренная тобольским губернатором Владимиром Тройницким (годы губернаторства – 1886–1892) В книге «Сибирские и тобольские губернаторы» (Тюмень, 2000 год) о периоде его правления сказано так: «Губернаторство В. А. Тройницкого совпало с периодом реакции. Политические ссылки оценивали его как ярого реакционера, причем неслучайно отзывались о его умственных способностях. Один из корреспондентов нелегального журнала «Политическая ссылка» писал, что Тройницкий, «разъезжая по городам, охотно вступал в беседы с ссылными, причем его речи не обнаруживали признаков большого ума».

**ИНСТРУКЦИЯ
ДЛЯ НАДЗИРАТЕЛЯ**

В инструкции, одобренной Тройницким, действительно сказано: «Надзиратель обязан наблюдать, чтобы поднадзорный жил в определенной ему местности и нигде за черту города или селения не отлучался, для чего надзиратель не менее трех раз в сутки проверял всех состоящих у него под наблюдением лиц, посещая их квартиры». Но он должен был это делать «настойчиво умело и предупредительно, чтобы ни в чем не стеснять обычной или семейной жизни поднадзорных, стараясь быть как бы незамеченным для них при своих посещениях». И далее: «Надзиратель должен обращаться с поднадзорными вежливо, с полной предупредительностью и по возможности оказывать им помощь в их нуждах».

Кстати, в ту пору население Тобольской губернии составляло 1,4 млн человек, и ссыльных здесь было немало. Как говорят: почувствуйте разницу в отношении власти к политическим в дореволюционную эпоху и послереволюционную, особенно в печально знаменитые 30-е годы...

С большевиками в Березовском уезде болел не только царский режим, но и захвативший в 1919 году обширные пространства Сибири Верховный правитель Колчак. Судя по документам, обнаруженным в архиве, политическая ненависть большевиков и колчаковцев была обоюдной и принесла немало бед народу. Получилась «русская каша», когда сын на отца и брат на брата.

Продолжение следует...